

мужичьего царя. Революционер Радищев, ненавистник всякой монархии, писал поэтому в „Путешествии“ о слабости восставших, пошедших „за грубым самозванцем“.⁹

В приведенной цитате мне кажется неверным следующее: во-первых, Радищев не оправдывает Пугачева: он признает справедливость крестьянского восстания, а не «восстания Пугачева», которого, как мы видели, называл «грубым самозванцем», а пугачевские лозунги — «обольщением», крестьян — «прельщенными»; во-вторых, никак нельзя назвать радищевскую оценку политики Пугачева «далекой от идеализации»; это не прямая и четкая характеристика, какая нужна в данном случае; в-третьих, утверждая, что Радищев увидел «слабость и неорганизованность» крестьянских восстаний, что «восставшие не осознавали связи между крепостным правом и политическим режимом самодержавия», Г. П. Макогоненко не замечает, что он противоречит своим собственным словам о «великой самостоятельной энергии народа в общественном движении», о «его самостоятельных попытках собрать свои силы, создать свою армию», о «замечательных руководителях восстания» и т. д. Вопросу о влиянии манифестов Пугачева, т. е. того, что в «Путешествии» названо «обольщением», на идеологию и фразеологию Радищева Г. П. Макогоненко посвятил ряд страниц в своей книге «Радищев и его время» (стр. 193—198 и 208). И не спасают позиции автора оговорки, которые он делает при характеристике слабости и силы армии Пугачева (стр. 192).

Противоречия своей концепции Г. П. Макогоненко пытается устранить, во-первых, тем, что все слова о «грубом самозванце», о «прельщенных» крестьянах, об «обольщении» относит к кругу идей «Проекта в будущем», «автор» которого «боится восстания крестьян» (стр. 458); во-вторых, тем, что центральное место всего «Путешествия» — главу «Медное» с ее формулой «свободы ожидать должно только от самой тяжести порабощения» — он отделяет от путешественника: «Путешественник читает рукопись друга о продаже крепостных, а написал ее от имени друга путешественника Радищев» (стр. 460). Однако эти попытки спасти положение не помогают Г. П. Макогоненко: на ряде страниц книги он говорит о «веселии мщенья» как о части концепции Радищева, а не путешественника; следовательно, он не всегда разделяет Радищева и путешественника. Далее, путешественник читает, помимо рукописи друга о продаже крепостных, еще и слово о Ломоносове, которое тоже не принадлежит ему, путешественнику. Таким образом, в «Путешествии» не ока-

⁹ См. прим. 5: Г. П. Макогоненко. 1) стр. 208; 2) стр. 72.